

«Рассеянная супердержава»: внешняя политика США в постбиполярном мире

Ольга Игоревна Ребро, МГИМО МИД России, Москва, Россия
Максим Александрович Сучков, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: olgarebro@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Глубокие трансформации международной системы при доминирующей роли США в последние тридцать лет дали богатую пищу для исследований в американистике, которые можно условно разделить на две группы: изучение детерминант стратегической культуры США, определяющих систему координат действий Вашингтона на международной арене, и разбор процесса принятия решений с определением интересов и мотивов ключевых центров силы, способный предсказать практические шаги американского руководства по конкретным вопросам. Данная статья стремится объединить эти два уровня и, отталкиваясь от концепции, предложенной К. Хеммером, предлагает рассматривать внешнюю политику США как результат внутриполитических дебатов по трем магистральным темам: определение периметра безопасности, динамики отношений с международными институтами и оптимальных способов продвижения ценностей. В центре исследования лежит тезис о том, что ключевой характеристикой международной среды последних тридцати лет, с точки зрения Вашингтона, стало отсутствие единой угрозы как организующего фактора внешнеполитического планирования. В результате на фоне сокращения внимания американцев к международным делам внешняя политика стала областью для оппортунистических решений, принятых под влиянием обстоятельств и электоральных расчетов. Авторы заключают, что внешнеполитические ошибки были совершены не в периоды ожесточенных дебатов о внешней политике, а в отсутствие таковых. Текущие социально-политические пертурбации, в рамках которых каждый постулат подвергается сомнению, а также фокусирование всего внешнеполитического аппарата на единой угрозе в лице Китая позволяют надеяться на то, что период «рассеянности» в американской внешней политике подходит к концу и из турбулентного периода глубокого самоанализа Америка выйдет более ответственным международным актором.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

США, внешняя политика, супердержава, безопасность, внешнеполитический процесс

Исследование американской внешней политики невольно перенимает черты свойственного стратегической культуре США детерминизма, когда «каждое внешнеполитическое действие Америки является частью проекта по распространению ценностей, к которым, по ее мнению, должны стремиться все народы»¹. Такой подход рассматривает политику США как «движение из пункта А в пункт Б», от конфедерации штатов к мировой империи, от доктрины Монро к глобальной «войне с терроризмом», от «града на холме» к строительству либерального мирового порядка и обуславливает саму постановку научной проблемы и, соответственно, варианты ее решения.

За время после распада биполярной системы международных отношений споры о том, *как должен выглядеть* этот идеальный «пункт Б», не прекращаются. Одни настаивают, что это должен быть «демократический мир» без войн². Другие убеждают в отсутствии альтернативы строгому «мировому порядку», основанному на договоренностях между ключевыми участниками процесса³. Третьи полагают, что все зависит от «прибытия» самих США «на конечную станцию»⁴. Четвертые вовсе ставят под сомнение такую возможность, указывая на «непримиримую природу» цивилизационных разломов⁵. Отдельную группу исследователей все эти годы занимали вопросы: *каким образом* США прокладывают путь к «пункту Б» – посредством «офшорного балансирования»⁶, превращения в справедливого «либерального Левиафана»⁷, через игру (и победу) на «великой шахматной доске»⁸ – и какие ошибки на этом пути совершают⁹?

Полезные для обозначения долгосрочных тенденций, такие магистральные подходы, однако, не позволяют спрогнозировать, какие конкретно решения будет принимать новый президент. Между тем каждые один-два выборных цикла (четыре-восемь лет) американская политическая система подталкивает страну к глубокой саморефлексии. Президентские выборы нередко сопровождаются общественными дискуссиями о месте США в мире, целях внешней политики и приоритетах национальной безопасности. Увеличившийся раскол американского общества приводит к тому, что новая администрация стремится перечеркнуть достижения предыдущей, «выбрасывая» вместе с политическим курсом предшественника международные договоренности.

Оба этих направления к изучению внешней политики США едва ли стоит оценивать в категориях «правильности» / «неправильности». Скорее они дополняют друг друга. Гипотеза, что США вряд ли откажутся от «наступательной и преобразующей национальной парадигмы»¹⁰, позволяет аналитикам поднаться над политизацией предвыборной риторики и взглянуть на структурные основы американской стратегии. Для практиков, однако, большее значение имеют именно детали реализации этого преобразования: степень вовлечен-

1 Kissinger 2014, 234.

2 Weart 1998; Doyle 2011.

3 Kissinger 2014.

4 Fukuyama 1992.

5 Huntington 1996.

6 Mearsheimer, Walt 2016.

7 Ikenberry 2011.

8 Brzezinski 1997.

9 Vacevich 2009; Pillar 2016; Баталов 2014; Шаклейна 2019.

10 Шаклейна 2019, 56.

ности США в процессы мирорегулирования, декларируемые цели, выбираемые для их достижения инструменты и методы. Последние четыре года – с 2016 по 2020 г. – особенно наглядно продемонстрировали, насколько радикально могут отличаться данные переменные и какие последствия это может иметь для всего глобального порядка.

Настоящее исследование предлагает объединить два этих направления и рассмотреть внешнюю политику США как продукт постоянных внутривнутриполитических дебатов по ключевым вопросам американской «большой стратегии». В этом плане статья опирается на подход К. Хеммера¹, представившего историю внешней политики США в виде «маятника», раскачиваемого под влиянием внутривнутриполитических процессов. Данное движение нелинейно (маятник не обязательно должен достигать высшей точки, чтобы начать движение в обратном направлении), однако происходит в определенных рамках, заданных стратегической культурой США.

Три группы дебатов о внешней политике США

Вслед за К. Хеммером настоящее исследование выделяет три постоянных направления дебатов во внешней политике США.

Первое из них связано с выбором между односторонними действиями и опорой на многосторонние формальные и неформальные институты. Этот вопрос зачастую неверно отождествляется с противопоставлением «изоляционизма» и «активизма» США на международной арене. В то время как курс на активное вовлечение в международные дела закрепился в американских элитах с поражением «последнего изоляциониста»², внутривнутриполитические споры сместились к вопросу о том, каким образом такое вовлечение должно происходить³.

Опора на союзников является для США дополнительным источником ресурсов, экспертизы и легитимности. При этом она ограничивает свободу рук, позволенных при односторонних действиях. Более того, с этим связана проблема отложенного характера результатов: инвестиции в многосторонние форматы являются работой на перспективу, в то время как отказ от «союзнического бремени» приносит выгоды гораздо раньше⁴.

Второй вопрос касается места ценностей во внешней политике США. Либеральные идеи находились «в центре американской идеосферы» со времен основания американского государства⁵. Перенесенный президентом В. Вильсоном в область внешней политики ценностный компонент в понимании Вашингтона не является антиподом интересов, но неотрывен от материального благосостояния. Распространение либеральных ценностей способствует экономическому процветанию и реализации внешнеполитических интересов США, а реализация интересов неизбежно ведет к распространению ценностей⁶.

1 Hemmer 2015.

2 Так часто называют Р. Тафта – противника создания НАТО и плана Маршалла; он проиграл праймериз республиканской партии в 1952 г.

3 Hayes 2004.

4 Hemmer 2015, 174.

5 Баталов 2014, 71.

6 Kagan 2006, 46.

Хотя ценности во внешнеполитической мысли США занимают центральное место, отчетливо наблюдается противостояние двух подходов, емко обозначенных У. Макдугаллом как «земля обетованная» и «государство крестоносцев»¹. Сторонники первого считают распространение либеральных ценностей естественным процессом, который будет происходить тем интенсивнее, чем более наглядным примером будут США. Из этого они делают вывод, что необходимо сфокусироваться на «наведении порядка у себя дома». Приверженцы второй точки зрения уверены, что сохранность либеральных ценностей в США тем надежнее, чем больше государств в мире их разделяют, а значит, Вашингтон должен всячески способствовать победе демократии при каждом удобном случае.

Наконец, третьим направлением дебатов в США является расстановка приоритетов, «определяющих стратегический периметр американской безопасности». Правильное ранжирование угроз в условиях ограниченности ресурсов является основополагающим принципом формулирования внешнеполитической стратегии любого государства. Однако в американской внешнеполитической мысли данное утверждение не столь аксиоматично. Распространенным является тезис о «бесплатной безопасности»² или «ленивом наслаждении незаслуженными богатствами»³. Согласно этому нарративу, благоприятные географические условия и отсутствие конкуренции обеспечивали быстрый и поступательный рост США. Однако, предупреждают сторонники данного подхода, такой период благополучия завершился. Технический прогресс, в первую очередь в области вооружений, заставляет США иначе расставлять приоритеты, более не соотносящиеся с удалением от американских границ. Это понуждает осторожнее подходить к оценке собственных ресурсов и формулированию амбиций.

Такому подходу свойственна «абберация близости», когда все, что происходит сейчас, кажется более значительным, чем исторические события. Тот факт, что текущее оружие несравнимо более продвинутое, чем было 200 лет назад, не означает, что американцы в XIX в. чувствовали себя в большей безопасности, чем сегодня, а президенты, распределяя ресурсы на решение задач, делали это с мыслью о том, что настоящие угрозы еще впереди. «Движущим фактором американской внешней политики всегда было четкое осознание собственного могущества и стремление распространения влияния на международную среду», – пишет Ф. Закария⁴. А призывы к «сдержанности», зазвучавшие после Второй мировой войны, по его мнению, связаны не столько с появлением новых, более масштабных угроз, сколько с общими тенденциями, связанными с гуманизацией внешнеполитических процессов.

Выгоды от благоприятного географического положения не утратили своей актуальности: США надежно защищены от неконтролируемого притока беженцев, военных конфликтов вблизи границ и даже загрязнения окружающей среды, генерируемого другими странами⁵. Поэтому, полагают сторонники этой точки

1 McDougall 1997.

2 Woodward 1960.

3 Lippmann 1943.

4 Zakaria 1997, 43.

5 Slaughter 2009.

зрения, США не должны «стесняться» своего влияния на глобальные процессы, особенно если это влияние направлено на «просвещение» остального мира.

С проблемой расстановки приоритетов тесно связано ощущение «срочности» возникающих проблем. Например, противостояние США с Советским Союзом хоть и было ключевым фактором, вокруг которого выстраивалась американская внешняя политика после Второй мировой войны, не воспринималось как «срочная» проблема. Соответственно, был выбран не курс на уничтожение СССР любой ценой, а долгосрочная политика сдерживания.

Однако уже в этом веке взаимосвязь политического курса и ощущения «срочности» проявилась на примере Китая. Понимание растущей угрозы интересам США от окрепшего Китая возникло еще в администрации Б. Обамы. Именно он провозгласил курс на «разворот к Азии» – политику постепенного переноса внешнеполитических ресурсов в Азиатско-Тихоокеанский регион (Индо-Тихоокеанский) при сокращении американского присутствия на Ближнем Востоке и в Европе. Однако значимые практические шаги по реализации данной политики начались только после победы Д. Трампа. Д. Трамп рассматривал Китай не только как основного внешнеполитического противника США, но и как причину экономических проблем американского рабочего класса, что заметно увеличило ощущение «срочности» данного вызова.

Основная часть статьи структурирована по хронологическому принципу и последовательно рассматривает трансформацию подходов США к ответу на ключевые вопросы внешней политики. Такой подход сознательно упрощает процесс формулирования внешней политики в США, который крайне сложен и политизирован¹. Однако он также позволяет охватить изменения магистральных тенденций и не утонуть в многообразии и динамике сил влияния при принятии конкретных решений.

Дж. Буш: управление трансформацией

Окончание холодной войны поставило перед США непростую задачу переосмысления своей внешней политики. Система международных отношений динамично менялась, и развитие новых глобальных процессов привело в движение «маятник» дебатов о внешней политике Америки. В зарождающейся постбиполярной эпохе в центре дискуссии был поиск «периметра» американских интересов, обсуждалась роль ценностей и принципов вовлечения в процессы мироуправления.

Распад Советского Союза воспринимался не только как возникновение новых возможностей, но и как источник множества новых проблем. Поэтому не все, кто приветствовал наступление «однополярного момента»², ратовали за немедленное более глубокое вовлечение в управление международными процессами. Сама внешняя политика Дж. Буша ориентировалась на повышение управляемости происходящими трансформациями. Заявляя на официальном уровне

1 Scott, Rosatti 2020, 5–10.

2 Charles Krauthammer, "The Unipolar Moment," The Washington Post, July 20, 1990 accessed May 4, 2021, <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1990/07/20/the-unipolar-moment/62867add-2fe9-493f-a0c9-4bfb1ec23bd/>.

о необходимости «продвижения свободных демократических политических институтов как самой надежной гарантии обеспечения прав человека и экономического и социального процветания»¹, американское руководство на практике воздерживалось от «крестовых походов» во имя продвижения ценностей. Война в Ираке носила ограниченный характер, события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь не сказались негативно на двусторонних отношениях с Китаем, а «гуманитарная интервенция» в Сомали не ставила задачу создать там правительство, которое было бы способно выстоять без внешнего вмешательства².

Получив фактически карт-бланш на перекраивание мира под интересы США, администрация Дж. Буша предпочла подходить к решению возникающих проблем в рамках многосторонних институтов. Войне в Ираке предшествовала масштабная дипломатическая кампания³ госсекретаря Дж. Бейкера⁴.

Периметр безопасности США изменялся вместе с возникающими вызовами и возможностями. Фокус администрации смещался от исторического объединения Германии к Ближнему Востоку, где завершение военной операции в Ираке открыло дверь для возобновления диалога между Израилем и Палестиной, и к внезапно возникшей проблеме ядерного наследия СССР, оказавшегося теперь на территории не одного, а четырех государств. СНБ 1991 г. отмечал «снижение советской угрозы», но добавлял: «Наш враг сегодня не экспансия коммунизма, а нестабильность как таковая»⁵. Такая широкая трактовка интересов США сочеталась, однако, с избирательностью вовлечения.

При том что поиск ответов на вопросы долгосрочного мироустройства в равной степени занимал администрацию Дж. Буша-ст.⁶, лавина событий захлестнула администрацию: ситуационное реагирование на происходящие процессы оставляло мало времени для размышлений о долгосрочных трендах⁷.

У. Клинтон: «гегемонизм по дешевке»

Мы никогда не узнаем, каким бы был постбиполярный мир, если бы команда Дж. Буша-ст. продолжила управление страной. На смену Дж. Бушу пришел молодой губернатор Арканзаса У. Клинтон.

Обвинявший своего соперника в невнимании к внутривнутриполитическим вопросам («Все дело в экономике», – гласил слоган его предвыборной кампании), У. Клинтон не имел ни желания, ни необходимых навыков, чтобы заниматься международными делами. Тот факт, что У. Клинтон на начальном этапе президентства уделял всего 25% своего рабочего времени внешнеполитическим

1 "National Security Strategy of the United States," The White House, August 1991, p. 4, accessed May 31, 2021, <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1991.pdf>.

2 Haass 2017, 109–112.

3 За 18 дней Бейкер посетил 12 стран на трех континентах для мобилизации международной поддержки по принятию резолюции СБ ООН 678, которая санкционировала использование «всех необходимых мер» для освобождения Кувейта.

4 Burns 2019, 65.

5 "National Security Strategy of the United States," Historical Office of the Secretary of Defence, accessed October 1, 2021, <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/>.

6 Отдел политического планирования в Госдепартаменте, который готовил все официальные документы того времени, на пике доходил до 31 человека и включал таких известных сегодня интеллектуалов, как Дж. Айкенберри, Ф. Фукуяма, Т. Грэм, У. Браунфилд и др.

7 Burns 2019, 48–49.

вопросам, в то время как Дж. Буш-ст. – 75%¹, сам по себе показателен. Как отмечает историк Д. Бринкли, У. Клинтону, как первоклассному политику, импонировало отсутствие четких стратегических рамок и эластичность принятия решений, позволявшая «маневрировать в зависимости от заголовков газет». Когда же растущая критика в отсутствии единого подхода со стороны внешнеполитических «тяжеловесов» (Г. Киссинджера и Дж. Киркпатрик) и законодателей (сенатора из Аризоны Дж. Маккейна) стала бить по репутации У. Клинтона, он поручил советнику по национальной безопасности Э. Лейку придумать «запоминающийся лейбл» для внешнеполитического курса администрации, достаточно обтекаемый, чтобы сохранять такую эластичность. Так родился термин «расширение» (*enlargement*), потом к нему добавилось «вовлечение» (*engagement*)².

Выбранный термин весьма точно отражал место США в мире в то время. В отсутствие сдерживающих рамок холодной войны влияние Соединенных Штатов «расширилось» по остальному миру, впитывая всех готовых принять правила этого влияния. Отсутствие единого врага – ключевого мобилизующего и структурирующего фактора всей внешней политики США после окончания Второй мировой войны – отражалось на подходах к формулированию ответов на ключевые вопросы³.

С исчезновением главной угрозы в лице СССР Вашингтон провозгласил залогом безопасности США распространение демократических и либеральных ценностей. Расширив, таким образом, американский периметр безопасности на весь земной шар, администрация У. Клинтона одновременно увеличила количество потенциальных угроз в рамках данного периметра. При этом она потеряла действенный аргумент для оправдания в глазах американского общества использования ресурсов, необходимых для подобного глобального вовлечения. В таких условиях зачастую амбициозные цели, провозглашавшие необходимость «крестовых походов» во имя ценностей, готовность использовать вооруженные силы в любой точке земного шара и перекраивать международные институты под интересы США, реализовывались ровно до тех пор, пока это не требовало слишком больших ресурсов, расходование которых было бы трудно аргументировать⁴.

Так, назвав причиной нерешенности кризиса в Сомали, доставшегося в наследство от предыдущей администрации, отсутствие функционирующего местного управления, администрация У. Клинтона провозгласила курс на «строительство демократии» в Могадишо. Однако, как только более активное вовлечение привело к смерти американских солдат, она быстро свернула присутствие в стране. Избирательность «крестовых походов» привела и к нежеланию вмешиваться в ситуацию в Руанде, и к отказу от использования сухопутных войск в кризисе в Косово, и к началу наземной операции после атак на американские посольства в Африке, а также продолжению курса на активное экономическое вовлечение Китая, несмотря на далеко не демократические подходы его руководства. В ре-

1 Gergen 2000.

2 Brinkley 1997.

3 Cameron 2002.

4 Dumbrell 2002.

зультате к 2000 г. ценностный компонент стратегии «расширения и вовлечения» был подменен общностью интересов: «Мы должны оставаться надежным партнером в обеспечении безопасности для сообщества наций, которые разделяют наши интересы»¹.

Соответствующим образом менялось и отношение США к международным институтам. Отмечая, что США сталкиваются с «дилеммой страуса» – либо спрятать голову в песок и не замечать проблем, либо бежать во все стороны одновременно, – М. Олбрайт, постоянный представитель при ООН, в 1993 г. заметила, что Вашингтон выбирает третий путь – действия в многостороннем формате. Опора на международные институты, позиционируемая как способ разделения бремени, сочеталась с нежеланием использовать ресурсы на сложный процесс реформирования устаревшей международной архитектуры.

Американоцентричный характер экономических институтов и прочная увязка предлагаемых США либеральных экономических принципов с процветанием на фоне дискредитации советской модели позволили У. Клинтону добиться значительных успехов на данном направлении. К 1994 г. Бреттон-Вудские соглашения были превращены в универсальный механизм финансового регулирования, а требования, предъявляемые Всемирным банком и МВФ при предоставлении кредитов, воспринимались как залог экономического роста. Аналогичная ситуация наблюдалась в области торговли, где необходимость либерализации некритично воспринималась растущей очередью государств на членство в ГАТТ (с 1995 г. – ВТО), а сами принципы были расширены на новые отрасли: сельское хозяйство, услуги и финансы².

В отличие от экономики перестройка глобальной архитектуры безопасности, сохранившей институты биполярного порядка, где доминирование США было не столь безусловным, оказалась более ресурсоемкой. Все большее сопротивление в рамках инклюзивных международных площадок толкало администрацию У. Клинтона пойти по пути территориального и функционального расширения НАТО. Однако эксклюзивный характер данного объединения обусловил подрыв его легитимности в качестве «глобального полицейского», претензии на что были закреплены в обновленной Стратегической концепции 1999 г.

Глобальное целеполагание и активная внешняя политика сопровождались потерей интереса американцев к внешней политике. Данная тенденция, проявившаяся еще при выборе У. Клинтона, только усиливалась на протяжении 1990-х гг.

Резюмируя итоги внешней политики У. Клинтона, С. Уолт образно назвал ее «гегемония по дешевке»: «Политика администрации Клинтона была под стать эпохе, когда чрезмерная внешнеполитическая активность не считалась необходимой, а внешнеполитическое отсутствие считалось недопустимым. Американский народ это понимал и не хотел ни изоляции, ни дорогостоящих крестовых походов. Б. Клинтон, самой сильной стороной которого является чуткость к гласу народа, дал своим гражданам то, что они хотели»³.

1 "A National Security Strategy for A New Century," The White House, p. 3, December 1999, accessed April 3, 2021, <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2000.pdf>.

2 Истомина 2020, 410–412.

3 Walt 2000, 79.

Дж. Буш-мл.: «война с терроризмом» как организующий принцип внешней политики

Результатом избирательной кампании 2000 г. стала победа еще одного малосведущего в международных делах кандидата – губернатора штата Техас Дж. Буша-мл.

«В отсутствие Советского Союза Соединенным Штатам все сложнее определять, что является их национальным интересом, – весьма точно определила дилемму внешней политики 1990-х гг. ответственная за внешнеполитическую часть предвыборной программы Дж. Буша-мл. К. Райс. – [...] В такой среде американская политика должна способствовать закреплению сложившихся благоприятных условий посредством дисциплинированной и последовательной внешней политики, которая отличает важное от второстепенного»¹. Предложенные К. Райс решения в основном не выходили за рамки стандартной для американских администраций взаимосвязи экономического процветания, распространения демократических ценностей и готовности бороться с вызовами в любой части света, за одним исключением – провозглашение курса на выстраивание полноценных отношений с крупнейшими державами, особенно с Китаем и Россией.

Опубликованное в 2000 г. эссе К. Райс является своеобразным «окном» во внешнюю политику Дж. Буша-мл., которая могла бы быть, не будь терактов 11 сентября 2001 г. Потрясшие страну и кардинально изменившие внешнеполитические настроения американского общества, они привели к пересмотру ответов на ключевые вопросы американской внешней политики. Почти готовая до терактов первая Стратегия национальной безопасности администрации Буша-мл. была полностью переписана после 11 сентября 2001 г., и опубликованная в 2002 г. новая версия провозгласила: «Враг не сводится к одному политическому режиму или индивидуальному лицу. Врагом является терроризм»². Такое отсутствие четкого целеполагания заложило проблему, которая преследует американских президентов по сей день: при каких условиях данную задачу можно считать выполненной³?

Более того, мощный эмоциональный импульс, сопровождавший начало войны с терроризмом, привел к тому, что данное решение было принято в отсутствие критического осмысления внешнеполитических подходов. Многие американские исследователи убеждены, что «война с терроризмом» не была «естественным» ответом на события 11 сентября⁴. Аналогичную оценку дает Р. Хаасс, сравнивая две войны в Ираке – «ограниченную» 1991 г. и «бесконечную» 2003 г.: «Первая война в Ираке началась в условиях ожесточенных дебатов внутри США и закончилась в условиях всеобщей поддержки; вторая война в Ираке началась

1 Rice 2000, 45–47.

2 "The National Security Strategy of the United States of America," The White House, p. 5, September 2002, accessed August 24, 2021, https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2002.pdf?ver=oyVN99aEnrAWijAc_O5eiQ%3d%3d.

3 Анонсируя вывод американских войск из Афганистана, президент Джо Байден сформулировал, возможно, главную проблему американского истеблишмента в этом вопросе: «Когда же наступит подходящее время, чтобы уходить? Еще один год, два, десять? Десять, двадцать, тридцать миллиардов долларов сверх того триллиона, который мы уже потратили? "Не сейчас" – из-за этих слов мы и оказались в текущей ситуации». "Remarks by President Biden on the Way Forward in Afghanistan," The White House, April 14, 2021, accessed August 24, 2021, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/14/remarks-by-president-biden-on-the-way-forward-in-afghanistan/>.

4 Solomon 2015, 3–4.

в условиях широкого одобрения со стороны Конгресса и общества, однако со временем стала повсеместно непопулярной»¹.

Тотальный характер провозглашенного курса, подпитываемый идеологизацией внешней политики, проявившейся в риторике «оси зла»², вскоре стал вещью в себе и подчинил себе все составляющие внешнеполитического курса. Хотя военные кампании и не начинались сугубо как «крестовые походы» во имя продвижения демократии, неизбежный конфликт между нереализуемостью задач и невозможностью отказаться от заявленного курса подтолкнул администрацию Дж. Буша к трансформации военной операции в миссию «национального строительства» и «демократизации».

Как показывают опубликованные в 2018 г. «Афганские документы» (коллекция более чем 600 интервью с американскими военными и политическими деятелями о «выученных уроках»), несмотря на отсутствие каких бы то ни было результатов, средства тратились на «строительство институтов» только потому, что они уже были выделены, боевые действия продолжались, хотя американские военные не могли определить, «где плохие и где хорошие парни». Авторитет США в качестве силы, способной нести демократию и права человека в другие страны, подрывался жестокостями военного времени (истории о пытках в «секретной тюрьме» ЦРУ Абу-Грейб). Аналогично обстояла ситуация с отношением к многосторонним институтам. В то время как цель борьбы с глобальным терроризмом, казалось бы, могла послужить стимулом для сотрудничества со странами, одинаково заинтересованными в уничтожении общего врага, администрация Дж. Буша не была готова инвестировать в переговоры об условиях такого сотрудничества. Принимая всех желающих в аморфную глобальную антитеррористическую коалицию, она не ставила цели уговаривать несогласных. В результате в 2003 г. от участия в иракской кампании отказались даже военные союзники США по НАТО – Бельгия, Германия, Турция и Франция, хотя двумя годами ранее они в первый и в последний раз инициировали действие 5 Статьи о коллективной обороне. «Коалиции желающих» из механизма по достижению военных целей превратились в маркер лояльности США, которым малые страны пользовались для налаживания отношений с Вашингтоном³. Сбрасывая оковы международных обязательств, администрация Дж. Буша-мл. отказывалась от сдерживающих механизмов, которые могли бы вовремя остановить заведомо провальную политику⁴.

В результате инерция «войны с терроризмом» стала настолько сильной, что, несмотря на осознание в дипломатических кругах того, что «демократизация и модернизация Ближнего Востока является сложной задачей на поколение» и «никакое единичное событие или заявление сами по себе не способны ее реализовать»⁵, Дж. Буш-мл., меняя стратегии вместе с министрами обороны, так и не смог назвать миссию «завершенной»⁶.

1 Haass 2009, 8–9.

2 Bush 2002.

3 Pifer 2017, 261.

4 Krauthammer 2002.

5 Rice 2008, 14.

6 Отсылка к так называемой “mission accomplished moment” – Дж. Буш в 2003 г. назвал миссию в Ираке «завершенной», что ему потом со злорадством припоминали все президентство. “President Talks to Troops in Qatar,” White House, accessed August 24, 2021, <http://surl.li/adjxv>.

Усталость от лишенных стратегического направления военных кампаний, глубокий финансовый кризис, удручающее состояние госдолга и сомнения в демократичности собственных институтов, полицейские полномочия которого расширились в результате *PATRIOT Act*, привели к тому, что в 2008 г. из всех кандидатов в президенты американцы предпочли молодого сенатора из Иллинойса Б. Обаму – во всех смыслах полного антипода Дж. Буша-мл.

Б. Обама: стратегия «не надеть глупостей»

Через два дня после своей инаугурации в январе 2009 г. Б. Обама санкционировал первое «таргетированное убийство» посредством беспилотного летающего аппарата (БЛА)¹, а уже в следующем месяце принял первое решение об увеличении контингента войск в Афганистане².

Сочетание правильного определения проблем и постановки амбициозных целей, соседствующее с отказом от решительных действий по их реализации, стали называть в Вашингтоне подходом «не надеть глупостей»³.

Исправляя, как ему казалось, ошибки предшественников, Б. Обама избавился от наиболее явных перекосов «войны с терроризмом»: он отказался от амбивалентности самого понятия и снизил «срочность» борьбы с угрозой терроризма⁴. Наконец, проблема терроризма перестала быть центральной, а стала в один ряд с многочисленными транснациональными проблемами: распространение ОМУ, глобальный экономический кризис, изменение климата, пандемии и пр.⁵

В 2011 г. «разворот к Азии» возглавил список приоритетов администрации⁶. Однако увеличение внимания по отношению к Китаю не сопровождалось снижением вовлечения США в другие регионы мира. Это привело к тому, что администрация Б. Обамы посчитала, что не может себе позволить оставаться в стороне от событий «арабской весны», хотя участие в этих процессах не только не привело к созданию более благоприятной ситуации для США, но и сделало Вашингтон соучастником в развязывании проблем (Ливия, Сирия, Йемен). Объясняя решение вмешаться в ситуацию вокруг украинского кризиса, Б. Обама фактически признал, что делает это вопреки установленным им приоритетам внешней политики: «Честно говоря, если мы будем трактовать наши интересы узко, если мы будем следовать холодному расчету, нам бы следовало просто отвернуться. Наша экономика не имеет глубоких связей с украинской. Наши люди и наше отечество не стали менее безопасными после вторжения в Крым. Нашим границам ничего не угрожает после российской аннексии»⁷. В итоге, принимая

1 С помощью беспилотников за восемь лет президентства Б. Обамы будет убито 3797 человек.

2 Численность американских войск в этой стране за первый год президентства Б. Обамы вырастет более чем на 50% до 100 тысяч солдат.

3 Jeffrey Goldberg, "The Obama Doctrine," *The Atlantic*, April 2016, accessed April 16, 2021, <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>.

4 "Remarks by the President at the National Defense University," The White House, May 23, 2013, accessed May 3, 2021, <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/05/23/remarks-president-national-defense-university>.

5 "National Security Strategy," The White House, May 2020, accessed May 18, 2021, <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2010.pdf>.

6 Hilary Clinton, "America's Pacific Strategy," *Foreign Policy*, October 11, 2011, accessed April 28, 2021, <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>.

7 "Remarks by the President in Address to European Youth," The White House, March 26, 2014, accessed August 16, 2020, <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/03/26/remarks-president-address-european-youth>.

каждый раз решение «не отворачиваться» от других регионов, Б. Обама так и не сумел «развернуться к Азии».

Возвращение Америки в многосторонние институты стало, пожалуй, самым последовательным направлением администрации Б. Обамы. В Стратегии национальной безопасности 2010 г. впервые после окончания холодной войны к привычной триаде внешнеполитических приоритетов (безопасность, экономическое процветание и продвижение ценностей) был добавлен раздел о «международном порядке», излагавший последовательный подход по восстановлению США в качестве «ответственного» участника международного сообщества¹. Обещая «слушать, а не говорить», Б. Обама рассматривал международные институты не как обременение для внешней политики, но как источник идей и «усилитель» военно-политических возможностей.

Стратегия так называемого «лидерства из-за спины», которую администрация исповедовала в Ливии и которая предусматривала, что США не будут втягиваться в проблемы, не затрагивающие их жизненно важные интересы, если другие страны, которых это напрямую касается, не приложат пропорционально больше усилий, не способствовала отказу от одностороннего использования военной силы в одностороннем порядке².

Усталость США от «строительства демократии» за рубежом, сама тщетность такого подхода, обусловила выбор администрации Б. Обамы в пользу стратегии «земли обетованной». Называя Америку «маяком для остального мира», Б. Обама признавал, что демократические изменения «не происходят быстро», а США «не могут навязывать решения за пределами своих границ»³. При этом администрация акцентировала необходимость «наведения порядка дома».

Моментом испытания для Б. Обамы стали протесты 2010–2011 гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке, получившие название «арабская весна». Поддерживая на словах «улицы» и критикуя власти за чрезмерное применение силы при подавлении демонстраций, Вашингтон скорее следовал за событиями, нежели направлял их⁴. Прочертив «красную линию» в отношении Сирии, Б. Обама отказался от вооруженного вмешательства, как только Москва предложила такую возможность. Единственным «крестовым походом» администрации стало смещение М. Каддафи в Ливии – это решение Б. Обама и его советники впоследствии неоднократно называли «ошибкой»⁵.

Свой подход к внешней политике Б. Обама как-то емко сформулировал сам – «оставить чистый сарай» своему преемнику⁶. Все «грязные» аспекты внешней политики были убраны в тень: убийства происходили с помощью дронов, на политическую траекторию в других странах США влияли с помощью

1 "National Security Strategy," The White House, p. 40, May 2020, accessed May 18, 2021, <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2010.pdf>.

2 Sanger 2012.

3 "Remarks by the President at United States Military Academy at West Point Commencement," The White House, May 22, 2010, accessed April 18, 2021, <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-united-states-military-academy-west-point-commencement>.

4 Nasr 2013.

5 Jeffrey Goldberg, "The Obama Doctrine," The Atlantic, April 2016, accessed April 16, 2021, <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>.

6 Ibid.

предоставления американских «советников», поставок вооружений и санкций, сколько-нибудь сомнительные операции проводились исключительно в коалиции с другими странами, а важнейшие дипломатические прорывы (ядерная сделка с Ираном и «открытие» Кубы) были результатом держащихся в тайне закулисных переговоров.

Отчасти такая скрытность стала ответом на начавшуюся еще при Дж. Буше-мл., но набравшую силу при Б. Обаме радикальную трансформацию информационной среды. Когда аналитики указывают на то, что «арабская весна» стала результатом распространения Интернета и сотовых телефонов, зачастую забывается, что такие же точно процессы происходили и в самих США. Истории людей, потерявших жилье в результате кризиса 2008 г., соседствовали с рассказами о растущих доходах виновников этого кризиса – финансистов Уолл-стрит – и были легко доступны для каждого желающего. Публикуемые *Wikileaks* материалы обнажали оборотную сторону «чистой» внешней политики Б. Обамы. Американцы увидели, что бесплатное медицинское обеспечение и программы социальной поддержки не обязательно означают «коммунизм» и тоталитарное правительство, а население недемократических стран может жить не хуже, чем в США.

Неслучайно, на выборах 2016 г. из трех кандидатов, имевших наибольшие шансы на победу, двое выступали с критикой современного состояния дел в Америке. Когда же один из них, Б. Сандерс, отсеялся, то вместо продолжения прежнего курса, который предлагала Х. Клинтон, американцы с минимальным перевесом голосов предпочли бросить в государственную систему США «коктейль Молотова» и поддержать Д. Трампа.

Д. Трамп и пробуждение внешнеполитического истеблишмента

Исследователям еще предстоит проделать серьезную работу по концептуализации президентства Д. Трампа. Текущие оценки варьируются от представления его политики как типично республиканской, хоть и проводимой неортодоксальным способом¹, до заявлений о неспособности ни одного традиционного аналитического подхода вместить феномен Д. Трампа² и призывов отказаться от привычных шаблонов к оценке президентств³.

Действительно, оценивать внешнюю политику Д. Трампа по стратегическим документам затруднительно: они писались сотрудниками, которые долго не задерживались в администрации, да и сам президент не слишком следовал записанным в них постулатам. Заявления президента также не дают исчерпывающей картины его деятельности: хотя взгляды Д. Трампа не менялись с конца 1980-х гг.⁴ и представляют четкую картину мира, многие из них не были реализо-

1 Dueck 2019.

2 Michael Anton, "The Trump Doctrine," *Foreign Policy*, April 20, 2019, accessed March 17, 2021, <https://foreignpolicy.com/2019/04/20/the-trump-doctrine-big-think-america-first-nationalism/>.

3 Bentley, David 2021.

4 "The Playboy Interview with Donald Trump," *The Playboy*, March 1, 1990, accessed May 15, 2021, <https://www.playboy.com/read/playboy-interview-donald-trump-1990>.

ваны – отчасти в силу сдерживающих механизмов, встроенных в американскую политическую систему, отчасти из-за низких организаторских способностей самого президента.

Ключевым фактором политики Д. Трампа являлось отсутствие консенсуса внутри США относительно желательного внешнеполитического курса страны. В этом плане две администрации – Д. Трампа и Дж. Байдена – при всей полярности их взглядов являются составляющими единого феномена – глубоко расколотаой Америки. Оба президента избрались с минимальным перевесом голосов и вынуждены иметь дело с Конгрессом, разделенным практически пополам. Развернувшиеся внутри страны дебаты о содержании и роли ценностей, о регуляторных функциях государства и «справедливом» распределении благ, принесенных глобализацией, выплескиваются в область внешней политики, где при постоянстве одних направлений (например, политика в отношении Китая) другие подвергаются ревизии.

Единственным значимым исключением из такого раскола является вопрос противостояния Китаю как долгосрочному вызову американской национальной безопасности. Данный курс, обозначенный при Б. Обаме, был актуализирован во время президентства Д. Трампа и продолжается администрацией Дж. Байдена. На решение данной задачи перестраивается весь государственный аппарат США. В последние годы появилось беспрецедентное количество законопроектов, затрагивающих Китай (с 2018 по 2020 г. было внесено 336 таких биллей, 12 из которых стали законами)¹. В оборонном бюджете на 2021 г. выделяются средства на создание Тихоокеанской инициативы сдерживания. Конгресс провел серьезные реформы механизмов контроля иностранных инвестиций (*FIRRMA*) и экспорта чувствительных технологий (*ECRA*). Хотя КНР в них напрямую не упоминается, общий контекст дебатов в ходе принятия данных законопроектов носил явно антикитайский характер. И хотя методы двух последних администраций радикально отличаются, обе апробируют идею создания антикитайского блока в Азиатско-Тихоокеанском регионе на основе Четырехстороннего диалога по безопасности (*QUAD*). В 2019 г. отношения с Китаем появились в повестке дня НАТО².

В отличие от эмоциональной реакции на теракты 2001 г., когда терроризм был не критически возведен в статус ключевого вызова США, на этот раз определение Китая в качестве приоритета в рамках американского стратегического периметра происходит методично и на долгосрочную перспективу.

Выход США из всевозможных международных форматов и напряженные отношения с союзниками дают основания записать администрацию Д. Трампа в лагерь противников мультилатерализма. Данная позиция, однако, не должна трактоваться как изоляционизм. Свое желание перестроить институты Д. Трамп мотивировал необходимостью «сделать их сильнее».

При этом, чем больше Д. Трамп нападал на систему американских союзов, тем

1 Scott Kennedy, "Thunder Out of Congress on China," CSIS, September 11, 2020, accessed May 5, 2021, <https://www.csis.org/blogs/trustee-china-hand/thunder-out-congress-china>.

2 "London Declaration," NATO, December 4, 2019, accessed February 7, 2021, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm.

громче звучали заверения его противников в приверженности США к взятым на себя обязательствам. В 2019 г. это вылилось в вынесение на рассмотрение Конгресса двух зеркальных законопроектов: Акта о поддержке НАТО в Палате представителей и Совместной резолюции № 4 в Сенате, вводившей требование о необходимости двух третей голосов сенаторов для выхода из Альянса. Законопроекты, принятые подавляющим большинством обеих палат, были отложены после того, как Д. Трамп снизил нападки на НАТО. В этом смысле президентство Д. Трампа стало катализатором более тесной привязки США к существующим союзам.

В то время как сам Д. Трамп, стоявший на позициях национализма, не только не считал, что США должны указывать другим странам, как им жить, но и сам нередко подвергал сомнению непоколебимость демократических и правозащитных ценностей, его позиция по данному вопросу во многом диктовалась электоральным расчетом. Связав свою победу во Флориде с поддержкой общин мигрантов из Кубы, он поддержал политику Дж. Болтона в отношении находящихся в оппозиции к США правительств Латинской Америки.

Еще одной значительной частью электората Д. Трампа были консервативные христиане-евангелисты, представителями которых являлись вице-президент М. Пенс и М. Помпео, руководивший в разное время ЦРУ и Госдепартаментом, – два человека, проработавшие в администрации все четыре года, несмотря на постоянную кадровую чехарду. Про-израильские взгляды данной социальной группы¹ стали дополнительным фактором в политике администрации в отношении Израиля, но также заставили администрацию фактически начать пересмотр того, что является «человеческими ценностями».

Так, госсекретарь М. Помпео в 2019 г. создал Комиссию по неотъемлемым правам человека, которая в июле 2020 г. подготовила доклад², вносящий существенные корректировки в ценностные аспекты внешней политики США³. Данный доклад стал своеобразным манифестом националистически настроенной консервативной Америки, бросившей вызов либеральным ценностям глобальных элит, и продемонстрировал глубокий раскол внутри самих США по данному вопросу. Неудивительно, что администрация Дж. Байдена незамедлительно отказалась от данного подхода⁴.

В целом за четыре года президентства Д. Трампа общественные дискуссии по вопросам внешней политики еще никогда не были столь напряженными. Уволенные сотрудники администрации в деталях рассказывали о подробностях принятия решений, не дожидаясь окончания президентского срока. Утечки стали делом чести для «профессионалов» и провоцировали бесконечные расследования. Зачастую искажаемые дихотомией «свой–чужой» дебаты о причинах возникновения феномена

1 Inbari, et al. 2020.

2 "Report of the Commission on Unalienable Rights," US Department of State, pp. 37–38, 55, July, 2020, accessed April 13, 2021, <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/07/Draft-Report-of-the-Commission-on-Unalienable-Rights.pdf>.

3 Подтверждая принцип универсальности и неотделимости ценностей от внешней политики США, доклад вводит иерархию прав человека, ставя на первое место религиозные права и право неприкосновенности частной собственности, обвиняет либерализм и международные институты в чрезмерном расширении понятия прав человека, а также допускает, что «национальные государства должны иметь некоторую свободу при определении политики в области прав человека в зависимости от культурных традиций».

4 "Secretary Antony J. Blinken On Release of the 2020 Country Reports on Human Rights Practices," The State Department, March 30, 2021, accessed April 24, 2021, <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-release-of-the-2020-country-reports-on-human-rights-practices/>.

Д. Трампа и необходимых шагах по корректировке проводимой политики достигли наиболее инертного класса карьерных служащих и экспертных кругов¹. В частности, результаты деятельности созданной в 2020 г. Фондом Карнеги за международный мир рабочей группы «Внешняя политика США для среднего класса»² легли в основу первого стратегического документа³ администрации Дж. Байдена.

Заключение

На протяжении тридцати лет после окончания холодной войны преемственность ключевых установок американской внешней политики на сохранение доминирования США, распространение демократических ценностей и обеспечение экономического процветания сочеталась с переменчивостью методов их реализации.

Выбранный в данной статье подход связывает определение таких методов с динамикой настроений среди американцев относительно международных вопросов, под влиянием которых – через институт выборов или острого общественного запроса – происходит имплементация внешнеполитических констант.

С этой точки зрения главным вызовом теоретиков и практиков американской внешней политики в последние тридцать лет стало отсутствие ключевого ориентира, каковым являлся Советский Союз. «У нас есть “секретное оружие”, которое сработает практически вне зависимости от ответа американцев – мы лишим Америку Главного Врага, – гласило пророчество академика Г.А. Арбатова, появившееся еще в 1987 г. на страницах газеты «Нью-Йорк Таймс». – И как без него вы будете оправдывать военные расходы, выдавливающие последние соки из американской экономики, политику, которая вовлекает Америку в опасные авантюры за ее границами и вносит раздор между Соединенными Штатами и их союзниками, не говоря уже о сокращении американского влияния над нейтральными государствами? Разве продолжение такой политики без Главного Врага не поставит Америку в положение изгоя на международной арене?»⁴

Отсутствие центрального мобилизующего фактора повлияло на характер дебатов о внешней политике, где на фоне снижения внимания американцев и, следовательно, наиболее чуткого к чаяниям избирателей Конгресса к международным делам, «возник вакуум, заполняемый корыстными и конъюнктурными интересами»⁵. Это привело к «рассеянности» внешнеполитического курса, что проявилось в оппортунистическом использовании любой представлявшейся возможности на международной арене (более осторожном во времена Дж. Буша-ст. и менее продуманном при У. Клинтоне), неадекватности оценки угроз и постановки целей («война с терроризмом» первой администрации Дж. Буша-мл.), неспособности преодолеть инерционность данной политики, несмотря на признание ее ошибочности (вторая администрация Дж. Буша-мл. и президентство Б. Обамы).

1 Lissner, Rapp-Hooper 2018.

2 Ahmed Salman et al., “Making US Foreign Policy Work Better for the Middle Class,” Carnegie Endowment for International Peace, September 2020, accessed May 5, 2021, <https://carnegieendowment.org/specialprojects/usforeignpolicyformiddleclass/>.

3 “Renewing America’s Advantages: Interim National Security Strategic Guidance,” White House, March 2021, accessed August 24, 2021, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>.

4 Georgi Arbatov, “It takes Two to Make a Cold War,” The New York Times, December 1987, accessed August 1, 2021, <https://www.nytimes.com/1987/12/08/opinion/It-takes-two-to-make-a-cold-war-963287.html>.

5 Rice 2000, 46.

Объективная трансформация внешнеполитической среды, включая сокращение удельного веса США в мировой экономике и появление сопоставимого контрагента в лице Китая, повышение информационной прозрачности и, как результат, внимания американцев к международным делам вместе с субъективным фактором накопившейся стоимости совершенных внешнеполитических ошибок привели к актуализации требований коренного изменения сложившегося статус-кво, материализовавшихся в избрании Д. Трампа. Сам факт его победы, равно как и неортодоксальность его методов, всколыхнула «заснувший» за последние тридцать лет внешнеполитический истеблишмент, который, спрятавшись за спиной Дж. Байдена, в настоящий момент пытается сформулировать ответ на запрос американцев.

Таким образом, на смену «рассеянной сверхдержаве» сегодня приходит «неопределившаяся» Америка, которая сама пока не решила, какую роль отводить международным институтам и союзникам, как продвигать – и даже определять – американские ценности, а также расставлять приоритеты среди растущего количества внешнеполитических вызовов. Исход развернувшихся дискуссий пока не предрешен, а их острота может преподнести еще не один сюрприз миру. Тем не менее консенсус о необходимости перемен и неизбежности противостояния Китаю, формирующийся в пылу споров, а не в их отсутствие, способствует появлению ориентира на долгосрочную перспективу, что повышает вероятность более последовательной и осмысленной внешней политики США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Баталов, Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва: Прогресс-Традиция, 2014. – 623 с.

Batalov, Eduard Ya. *Amerikanskaya politicheskaya misl' XX veka*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2014 [in Russian].

Шаклеина, Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка // Международные процессы. – 2019. – № 4. – С. 5–19. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59>.

Shakleina, Tatiana A. "American Dilemma" in the Formation of the New World Order." *International Trends*, no. 4 (2019): 5–19 [in Russian].

Шаклеина, Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // Вестник Московского университета. Сер. 25. – 2011. – № 3. – С. 35–55.

Shakleina, Tatiana A. "Evolution of the U.S. Global Strategy (2001–2011)." *Moscow State University Bulletin* 25, no. 3 (2011): 35–55 [in Russian].

Истомин, И.А. Американская стратегия и международный порядок после холодной войны // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т.С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 405–431. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.28>.

Istomin, Igor A. "American Strategy towards the World Order after the Cold War." *Digest of World Politics* 10, ed. by T.S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press (2020): 405–431. [In Russian]

Bacevich, Andrew. *The Limits of Power: The End of American Exceptionalism*. New York: Holt Paperbacks, 2009.

Bentley, Michelle, and Maxine David. "Unpredictability as Doctrine: Reconceptualising Foreign

Policy Strategy in the Trump Era." *Cambridge Review of International Affairs* 34, no. 3 (2021): 383–406. <https://doi.org/10.1080/09557571.2021.1877616>.

Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 1997.

Brinkley, Douglas. "Democratic Enlargement: The Clinton doctrine." *Foreign Policy*, no. 106 (1997): 110–127. <https://doi.org/10.2307/1149177>.

Biddle, Stephen. *American Grand Strategy after 9/11: An Assessment*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, 2005.

Burns, William. *The Back Channel*. New York: Random House, 2019.

Doyle, Michael. *Liberal Peace: Selected Essays*. New York: Routledge, 2011.

Bush, George, and Brent Scowcroft. *A World Transformed*. New York: Knopf, 1998.

Bush, George H.W. *All the Best, George Bush: My Life in Letters and Other Writings*. Simon and Schuster, 2013.

Byford, Greenville. "The Wrong War." *Foreign Affairs* 81, no. 4 (2002): 34–43. <https://doi.org/10.2307/20033238>.

Cameron, Fraser. *U.S. Foreign Policy after the Cold War. Global Hegemon or Reluctant Sheriff*. London and New York: Routledge, 2002.

Dueck, Colin. *Age of Iron: On Conservative Nationalist*. Oxford University Press, 2019.

Dumbrell, Jordan. "Was There a Clinton Doctrine? President Clinton's Foreign Policy Reconsidered." *Diplomacy and Statecraft* 13, no. 2 (2002): 43–56. <https://doi.org/10.1080/714000309>.

Haass, Richard. *A World in Disarray*. New York: Penguin Press, 2017.

Haass, Richard. *War of Necessity, War of Choice: A Memoir of Two Iraq Wars*. New York: Simon and Schuster, 2009.

Hayes, Michael. "The Republican Road Not Taken." *The Independent Review* 8, no. 4 (2004): 509–525.

Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.

Gergen, David. *Eyewitness to Power*. New York: Simon and Schuster, 2000.

Halperin, Mark, and John Heilemann. *Double Down: Game Change 2012*. Penguin, 2013.

Hemmer, Christopher. *American Pendulum: Recurring Debates in U.S. Grand Strategy*. Cornell University Press, 2015.

Ikenberry, John. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.

Motti, Inbari, Kirill Bumin, and Gordon Byrd. "Why Do Evangelicals Support Israel?" *Politics and Religion* 14, no. 1 (2021): 1–36. <https://doi.org/10.1017/S175504831900052X>.

Kagan, Robert. *Dangerous Nation*. Vintage Books, 2006.

Kissinger, Henry. *World Order*. Penguin, 2014.

Krauthammer, Charles. "The Unipolar Moment Revisited." *The National Interest* 70, no. 5 (2002): 5–18.

Lissner, Rebecca, and Mira Rapp-Hooper. "The Day after Trump: American Strategy for a New International Order." *The Washington Quarterly* 41, no. 1 (2018): 7–25. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2018.1445353>.

Lippmann, Walter. *U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic*. Little & Brown, 1943.

McDougall, Walter A. *Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the World Since 1776*. Houghton Mifflin Harcourt, 1997.

Mearsheimer, John J., and Stephen M. Walt. "The Case for Offshore Balancing: A Superior U.S. Grand Strategy." *Foreign Affairs* 95, no. 4 (July/August 2016): 70–83.

Nasr, Vali. *The Dispensable Nation: American Foreign Policy in Retreat*. New York: Knopf, 2013.

Pifer, Steven. *The Eagle and the Trident: U.S.-Ukraine Relations in Turbulent Times*. Washington, D.C., Brookings Institute Press, 2017.

Pillar, Paul. *Why America Misunderstands the World: National Experience and Roots of Misperception*. New York: Columbia University Press, 2016.

Rice, Condoleezza. "Promoting the National Interest." *Foreign Affairs* 79, no. 1 (2000): 45–62. <https://doi.org/10.2307/20049613>.

Rice, Condoleezza. "Rethinking the National Interest: American Realism for a New World." *Foreign Affairs* 87, no. 4. (2008): 2–26.

Sanger, David. *Confront and Conceal: Obama's Secret Wars and Surprising Use of American Power*. Crown Publishers, 2012.

Scott, James, and Jerel Rosati. *The Politics of United States Foreign Policy*. CQ Press, 2020.

Slaughter, Anne-Marie. "America's Edge: Power on the Networked Century." *Foreign Affairs* 88, no. 1 (January–February 2009): 94–113.

Solomon, Ty. *The Politics of Subjectivity in American Foreign Policy Discourses*. University of Michigan Press, 2015.

Turner, Frederick. *The Frontier in American History*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1962 (reprint from 1893).

Walt, Stephen. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2018.

Walt, Stephen. "Two Cheers for Clinton's Foreign Policy." *Foreign Affairs* 79, no. 2 (March–April 2000): 63–79. <https://doi.org/10.2307/20049641>.

Weart, Spencer. *Never at War: Why Democracies Will Never Fight One Another*. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.

Woodward, C. "The Age of Reinterpretation." *The American Historical Review* 66, no. 1 (1960): 1–19. <https://doi.org/10.2307/1845704>.

Zakaria, Fareed. "The Myth of America's 'Free Security.'" *World Policy Journal* 14, no. 2 (1997): 35–43.

Сведения об авторах

Ольга Игоревна Ребро,

эксперт Центра перспективных американских исследований ИМИ МГИМО МИД России, Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

e-mail: olgarebro@yandex.ru

Максим Александрович Сучков,

кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, директор Центра перспективных американских исследований ИМИ МГИМО МИД России, Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

e-mail: max-suchov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3551-7256

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 июля 2021.

Переработана: 4 августа 2021.

Принята к публикации: 24 августа 2021.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Ребро, О.И., Сучков, М.А. «Рассеянная супердержава»: внешняя политика США в постбиполярном мире // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (3). – С. 19–37.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-19-37>

“Disoriented Superpower”: U.S. Foreign Policy in the Post-Bipolar World

ABSTRACT

This article seeks to fill the gap between well theorized upon constants of the U.S. strategic thinking and the divergent approaches of various administrations to practical actions on the international arena. Grounded in the concept developed by Christopher Hammer, the analysis presents the U.S. foreign policy as the product of a never-ending internal debate about the most optimal ways of promoting values, dealing with international institutions and prioritizing threats within a security perimeter. Taking stock of the choices made by consecutive presidents in each of the three areas the authors study the roots of foreign policy inertia of the sole superpower that resulted in unforced mistakes undermining its own political cohesion as well as hindering the emergence of lasting international architecture to replace the cold-war order. Thus, the article argues that the key feature of the last thirty years – the absence of an enemy as an organizing principle for the U.S. foreign policy – prompted the American public to pay less attention to global events which became the area of opportunistic decisions. Overall, the authors conclude that the mistakes were made precisely when the domestic debates in the U.S. about international relations were absent and note that the current divisions in the American society as an impetus for self-scrutiny and the emergence of China as a focal point for the American elites may result in a more coherent foreign policy and make the U.S. a more responsible international actor.

KEYWORDS

U.S., foreign policy, superpower, security, foreign policy process

Authors

Olga I. Rebro,

Expert at the Center for Advanced American Studies of the Institute of International Studies,
 MGIMO-University. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76.

e-mail: olgarebro@yandex.ru

Maxim A. Suchkov,

PhD, Associate Professor at the Department of Applied International Analysis,
 Director of the Center for Advanced American Studies of the Institute of International Studies,
 MGIMO-University. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76.

e-mail: max-suchov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3551-7256

Additional information

Received: July 30, 2021. Revised: August 4, 2021. Accepted: August 24, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Rebro, Olga I., and Maxim A. Suchkov. “‘Disoriented Superpower’: U.S. Foreign Policy in the Post-Bipolar World.” *Journal of International Analytics* 12, no. 3 (2021): 19–37.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-19-37>